

Лекция 9. Американский неолиберализм. Его контекст

14 марта 1979 г. Американский неолиберализм. Его контекст. — Различия между американским и европейским неолиберализмом. — Американский неолиберализм как общее требование, очаг утопизма и метод мышления. — Аспекты этого неолиберализма: (1) Теория человеческого капитала. Два прогресса, которые она представляет: (a) передовая экономического анализа внутри его собственной области: критика классического анализа труда в терминах фактора времени; (b) распространение экономического анализа на области, прежде считавшиеся не-экономическими. — Эпистемологическая мутация, произведенная неолиберальным анализом: анализ экономических процессов как анализ внутренней рациональности человеческого поведения. — Труд как экономическое поведение. — Расчленение его на капитал-компетенцию и доход. — Реинтерпретация homo oeconomicus как самому себе антрепренера. — Понятие

«человеческого капитала». Его конститутивные элементы: (а) врожденные элементы и вопрос улучшения генетического человеческого капитала; (б) приобретенные элементы и проблема формирования человеческого капитала (образование, здравоохранение и т. п.). — Польза этих исследований: постановка проблемы социального и экономического обновления (Шумпетер). Новая концепция политики роста

Сегодня^[97] я хотел бы начать разговор о том, что во Франции¹ представляется столь привлекательным: об американском неолиберализме. Конечно же, я обращаюсь лишь к некоторым аспектам, которые существенны для того жанра исследования, который я вам предлагаю.²

Для начала несколько банальностей. Американский неолиберализм развивался в контексте, не слишком отличавшемся от того, в котором развивались немецкий неолиберализм и то, что можно было бы назвать французским неолиберализмом. То есть изначально существовали три принципа развития американского неолиберализма — во-первых, это, конечно, New Deal, критика New Deal и та политика, развиваемая начиная с 1933-34 гг. Рузвельтом, которую в целом можно назвать кейнсианской; а первым фундаментальным текстом американского неолиберализма, написанным в 1934 г. Саймонсом,³ отцом-основателем Чикагской школы, было сочинение под названием «Позитивная программа laissez-faire».⁴

Второй элемент контекста — это план Бевериджа и все те проекты экономического и социального интервенционизма, которые были выработаны во время войны.⁵ Все это очень важные элементы, их можно было бы назвать военными договорами, в соответствии с которыми правительства — главным образом, английское и до некоторой степени американское — говорили людям, только что пережившим тяжелейший экономический и социальный кризис: теперь мы хотим, чтобы вы позволили себя убивать, но мы обещаем, что, сделав это, вы сохраните свое рабочее место до конца своих дней. Все эти документы, все эти анализы, программы, исследования было бы очень интересно изучить сами по себе, потому что мне кажется (хотя, впрочем, я могу и ошибаться), что впервые целые нации вступили в войну, опираясь на систему договоров, которые были не просто договорами международного альянса между властями, но [своего рода] общественными договорами, в которых они обещали — тем, от кого они требовали воевать, а значит позволить убивать себя, — определенный тип экономической и социальной организации, в котором обеспечивалась бы защищенность (обеспечение занятости, защита от болезней, всевозможных опасностей, обеспечение пенсии). Договоры о защищенности в момент

призыва на войну. Призыв на войну от имени правительств очень рано — в Англии тексты на эту тему появились в 1940 г. — удваивался предложением общественного договора и защищенности. Всем этим социальным программам Саймоне противопоставил несколько текстов и критических статей, и самая интересная из них, конечно же, статья, которая называется «Program Beveridge: an unsympathetic interpretation»⁶ — переводить незачем, название само указывает на смысл этой критики.

Третий элемент контекста — это, очевидно, все те программы борьбы с бедностью, образования, сегрегации, которые развивались в Америке со времен администрации Трумэна⁷ до администрации Джонсона,⁸ программы, пронизанные государственным интервенционизмом, ростом федеральной администрации и т. п.

Я полагаю, что эти три элемента — кейнсианская политика, военные общественные договоры и усиление федеральной администрации, пронизывавшие экономические и социальные программы — все это создавало противника, неолиберальную мысль, составляя то, на что она опиралась или чему она сопротивлялась в своем формировании и развитии. Как видите, этот непосредственный контекст носит тот же характер, что и тот, что обнаруживается, например, во Франции, где неолиберализм также определялся в противоположность Народному фронту,⁹ послевоенным кейнсианским политикам [и] планированию.

Я думаю, впрочем, что между европейским неолиберализмом и неолиберализмом американским существуют некоторые значительные расхождения. Они общеизвестны, они бросаются в глаза. Я просто напомню их. Прежде всего американский либерализм в момент своего исторического формирования, то есть очень рано, в XVIII в., не представлялся, как во Франции, сдерживающим принципом по отношению к предсуществующим государственным интересам, поскольку притязания либерального типа, напротив, были исторической точкой отсчета в формировании независимости США.¹⁰ То есть либерализм в США в период Войны за независимость играл почти ту же или аналогичную роль, какую сыграл либерализм в Германии в 1948 г. К либерализму звали как к основополагающему принципу и легитиманту государства. Не само государство самоограничивается либерализмом, таково требование либерализма, оказывающееся для государства основополагающим.

Такова, как мне кажется, одна из черт американского либерализма.

Во-вторых, либерализм в Америке на протяжении двух веков, конечно же, оставался в центре всех политических дебатов, шла ли речь об экономической политике, о протекционизме, о проблеме золота и серебра, о биметаллизме; или о рабстве; или о проблеме статуса и функционирования судебной институции; или об отношении между индивидами и различными штатами, между различными штатами и федеральным государством. Можно сказать, что вопрос о либерализме был рекуррентным элементом всех дискуссий и политических выборов в США. В то время как в Европе рекуррентными элементами политических дебатов XIX в. были либо единство нации, либо ее независимость, либо правовое государство, в США это был либерализм.

Наконец, в-третьих, по отношению к этой постоянной основе либеральных дебатов (я хочу сказать, интервенционистских политик, будь то экономика кейнсианского типа, экономическое или социальное планирование) неолиберализм, главным образом с середины XX в., выступал как элемент угрожающий в той мере, в какой речь шла о том, чтобы поставить цели, близкие к социалистическим, а также поскольку речь шла о том, чтобы внутренне обосновать империалистическое и военное государство, так, чтобы критика неолиберализма могла обрести двойную опору: справа, от имени самой либеральной традиции, исторически и экономически враждебной всему тому, что отдает социализмом, и слева, поскольку речь шла о том, чтобы осуществлять не только критику, но и повседневную борьбу с развитием империалистического и милитаристского государства. Отсюда двусмысленность, явная двусмысленность американского неолиберализма, который осуществляется, реактивируется как справа, так и слева.

Во всяком случае можно сказать следующее: в силу общеизвестных исторических причин, о которых я только что упомянул, американский либерализм не есть просто экономический и политический выбор, сформированный и сформулированный правителями или в правительственной среде (как во Франции в наши дни, как в Германии сразу после войны). В Америке либерализм — это целостный способ бытия и мышления. Это скорее тип отношений между управляющими и управляемыми, нежели техника управляющих, обращаемая на управляемых. Скажем так: в то время как в такой стране, как Франция, дискуссия об отношении индивидов к государству вращается вокруг проблемы общественного труда, [в США] дискуссия об отношениях между индивидами и правительством скорее принимает характер проблемы свобод. Поэтому мне кажется, что американский либерализм в настоящее время представляется не только и не столько политической альтернативой, сколько чем-то вроде всеобщей, многообразной, двусмысленной формулы, поддерживаемой как справа, так и слева. Здесь всегда задействовано что-то вроде утопического единства. Кроме того, это метод мышления, сетка экономического и социологического анализа. Я сошлюсь на того, о ком мы много говорили, кто, строго говоря, не был американцем, поскольку он австриец, но кто последовательно побывал в Англии и в США, прежде чем вернуться в Германию. Это Хайек, который несколько лет назад сказал: что нам нужно, так это либерализм, который есть живая мысль. Заботу о выработке утопий либерализм всегда оставлял социалистам, и этой утопической или близкой к утопизму мысли социализм во многом был обязан своей силой и историческим динамизмом. Итак, либерализм также нуждается в утопии. Скорее стоило бы заняться либеральными утопиями, мыслить по модели либерализма, нежели представлять либерализм как техническую альтернативу правительству.¹¹ Либерализм как общий стиль мысли, анализа и воображения.

Таковы некоторые общие черты, которые, быть может, позволят несколько отличить американский неолиберализм от того неолиберализма, осуществление которого мы видели в Германии и во Франции. Смещение образа мысли, стиля анализа, сетки исторической и социологической дешифровки — это те немногие аспекты американского неолиберализма, которые я хотел бы обозначить, принимая во внимание, что у меня нет ни желания, ни возможности изучать его во всех его измерениях. Особенно я хотел бы выделить два элемента американской неолиберальной концепции, которые одновременно являются и методами анализа, и типами планирования и которые представляются мне любопытными: во-первых, теорию человеческого капитала, а во-вторых, по причинам, о которых вы,

конечно, догадываетесь, проблему анализа преступности и делинквентности.

Сперва теория человеческого капитала.¹² Мне кажется, теория человеческого капитала интересна в следующем отношении: дело в том, что эта теория репрезентирует два процесса, один из которых можно было бы назвать продвижением экономического анализа в доселе не исследованную область, а второй, исходя из этого продвижения, — возможностью реинтерпретировать в строго экономических терминах целую область, которая до настоящего времени могла рассматриваться и действительно рассматривалась как не-экономическая.

Прежде всего продвижение экономического анализа, так сказать, вовнутрь своей собственной области, но в том пункте, который оставался заблокированным или во всяком случае неопределенным. Американские неолибералы говорят: как ни странно, классическая политическая экономия всегда торжественно указывала, что производство благ зависит от трех факторов — земли, капитала, труда. Так вот, говорят они, труд всегда оставался неисследованным. Оставался, так сказать, чистый лист, на котором экономисты ничего не писали. Конечно, можно сказать, что экономия Адама Смита начинается с размышления о труде, ведь распределение труда и его спецификация составляли для Адама Смита ключевую позицию, исходя из которой он смог создать свой экономический анализ.¹³ Однако после этого первого продвижения, с момента этого первого открытия классическая политическая экономия никогда не анализировала труд как таковой, или, скорее, бесконечно пыталась его нейтрализовать, а чтобы нейтрализовать, сводила его исключительно к временному фактору. Именно это сделал Рикардо, когда, желая проанализировать приращение труда, фактора труда, он неизменно определял это приращение лишь количественно и как темпоральную переменную. То есть он считал, что приращение труда или изменение, возрастание фактора труда не могло быть не чем иным, как представленностью на рынке дополнительного количества рабочих, то есть возможностью использовать больше человеко-часов, составляющих, таким образом, диспозицию капитала.¹⁴ Следовательно, политическая экономия, в сущности, никогда не отходила от нейтрализации самой природы труда ради единственной количественной переменной человеко-часов и рабочего времени и редукции рикардовской проблемы труда к простому анализу количественной переменной времени.¹⁵ В конце концов у Кейнса мы находим анализ труда, или, скорее, не-анализ труда, который не слишком отличается, который проработан не намного лучше, чем не-анализ самого Рикардо. Ведь что такое труд для Кейнса? Это фактор производства, производственный фактор, но сам по себе пассивный, находящий применение, вступающий в действие только благодаря определенной инвестиционной ставке, при условии, что она достаточно высока.¹⁶ Проблема неолибералов, судя по той критике, которой они подвергают классическую экономию и анализ труда в классической экономике, состоит в том, чтобы попытаться заново ввести труд в пространство экономического анализа; именно этим пытались заняться некоторые из них. Первым был Теодор Шульц,¹⁷ в 1950-60-е гг. опубликовавший несколько статей, итог которым он подвел в книге, опубликованной в 1971 г. и получившей название «Investment in Human Capital». ¹⁸ Гэри Беккер¹⁹ примерно в те же годы опубликовал книгу с таким же названием,²⁰ а третий текст о школе и о заработной плате, фундаментальный и более конкретный, более точный, чем другие, написал Минсер²¹ в 1975 г.²²

По правде говоря, тот упрек, который неолиберализм обращает к классической экономии, в том, что она забыла о труде и никогда не пропускала его через фильтр экономического анализа, этот упрек может показаться странным, если вспомнить, что, если даже и справедливо, что Рикардо целиком свел анализ труда к анализу количественной переменной времени, зато был кое-кто, кого звали Маркс и кто... и т. п. Так вот. Неолибералы практически никогда не обсуждают Маркса в силу того, что можно считать экономическим снобизмом. Но мне кажется, что, если бы они дали себе труд дискутировать с Марксом, они обнаружили бы то, что [уместно] было бы назвать анализом Маркса. Они сказали бы: совершенно очевидно, что Маркс в своем анализе сделал труд одной из сущностных основ. Но что делает Маркс, когда он анализирует труд? Он показывает, что рабочий продает что? Не труд, но рабочую силу. Он продает свою рабочую силу на определенное время в обмен на заработную плату, устанавливаемую исходя из определенной рыночной ситуации, соответствующей равновесию между предложением и спросом на рабочую силу. А работа, которую выполняет рабочий, именно работа создает стоимость, часть которой у него изымается. Этот процесс Маркс рассматривает как логику капитализма. В чем заключается эта логика? Дело вот в чем: работа всегда «абстрактна»[98], то есть конкретная работа, трансформированная в рабочую силу, измеренная временем, выпущенная на рынок и оплаченная заработной платой, — это не конкретная работа; напротив, это работа, оторванная от ее человеческой реальности, от всех ее качественных переменных, так что (и это действительно хорошо показывает Маркс) экономическая механика капитализма, логика капитала удерживают из труда лишь силу и время. Из него они делают рыночный продукт, из него они удерживают лишь эффекты произведенной стоимости.

Итак, говорят неолибералы (и здесь их анализ отличается от критики, предпринятой Марксом), откуда берется эта, как говорит Маркс, «абстракция»[99], этот просчет? Это просчет самого капитализма. Это просчет логики капитала и его исторической реальности. Тогда как сами неолибералы утверждают: эта абстракция труда, которая действительно появляется благодаря временной переменной, является не фактом реального капитализма, [но фактом] экономической теории, которую вывели из капиталистического производства. Абстракция появляется не из реальной механики экономических процессов, но из того, как они отражаются в классической экономии. Потому что классическая экономия была неспособна позаботиться об анализе труда в его конкретной спецификации и его качественных модуляциях, потому что она оставила эту чистую страницу, эту лакуну, эту пустоту в своей теории, поспешив создать вокруг труда целую философию, антропологию, политику, представителем которой и был Маркс. А следовательно, что нужно сделать, так это не продолжать, так сказать, реалистическую критику Маркса, упрекающего реальный капитализм за то, что он абстрагировался от реальности труда; нужно провести теоретическую критику того, как в экономическом дискурсе самый труд оказался абстрактным. И если, говорят неолибералы, экономисты рассматривают труд столь абстрактно, если они упускают спецификацию, качественные модуляции и экономические эффекты этих качественных модуляций, так это, в сущности, потому, что классические экономисты всегда рассматривают в качестве объекта экономии процесс, капитал, капиталовложение, машину, продукт и т. п.

Итак, мне кажется, что нужно поместить неолиберальные исследования в их общий контекст. Тем не менее сущностная эпистемологическая мутация неолиберальных исследований состоит в том, что они претендуют изменить то, что фактически составляло объект, область объектов, общее поле референций экономического анализа. Экономический анализ Адама Смита практически до начала XX в. ставил своей целью изучение производственных механизмов, механизмов обмена и потребления в данной социальной структуре, учитывая интерференции этих трех механизмов. Согласно неолибералам, экономический анализ должен состоять в изучении не этих механизмов, но природы и следствий того, что они называют субститутивным выбором, то есть в изучении и анализе способа, которым ограниченные ресурсы предоставляются для конкурирующих целей, то есть альтернативных целей, которые не могут накладываться друг на друга.²³ Иначе говоря, есть ограниченные ресурсы, эти ограниченные ресурсы могут использоваться не только с одной целью или кумулятивными целями, но с целями, между которыми нужно выбирать, и экономический анализ должен иметь в качестве точки отсчета и общих референциальных рамок изучение способа, которым индивиды получают эти ограниченные ресурсы в целях, являющихся целями альтернативными.

Они поддерживают, или, скорее, разрабатывают определение экономического объекта, предложенное в 1930 или 1932 г. (точно не помню) Роббинсом,²⁴ который, по крайней мере с этой точки зрения, может считаться одним из основателей неолиберальной экономической доктрины: «Экономика — это наука о человеческом поведении, наука о человеческом поведении как отношении между целями и средствами, имеющими взаимоисключающее назначение».²⁵ Как видите, это определение экономики ставит перед ней задачей не анализ диалогового механизма между вещами и процессами, главным образом капиталом, инвестициями, производством, где работа действительно оказывается чем-то вроде винтика; оно ставит задачей анализ человеческого поведения и его внутренней рациональности. Анализ должен освободиться от расчета, который, впрочем, может быть неосознанным, слепым, несостоятельным, но который остается расчетом того, какие ограниченные ресурсы индивид или индивиды предпочли предназначить для одной цели, а не для другой. Таким образом, экономика теперь — анализ не процесса, но деятельности. Теперь это анализ не исторической логики процесса, но внутренней рациональности, стратегического планирования деятельности индивидов.

Сразу надо оговориться: заниматься экономическим анализом труда — значит ли это заново ввести труд в экономический анализ? Не стоит выяснять, каким образом труд располагается между, скажем так, капиталом и производством. Проблема повторного введения труда в поле экономического анализа состоит не в том, чтобы задаваться вопросом, каким образом труд покупается, или что это дает в техническом отношении, или что за стоимость создает труд. Фундаментальная, сущностная, во всяком случае первейшая проблема, которая ставится при анализе труда в экономических терминах, состоит в том, чтобы выяснить, как именно используются ресурсы труда, которыми мы располагаем. То есть, вводя труд в поле экономического анализа, нужно принять точку зрения того, кто трудится; надо изучать труд как экономическое поведение, реализуемое, осуществляемое, рационализируемое, просчитываемое тем, кто трудится. Что такое труд для того, кто трудится; какой системе предпочтений, какой системе рациональности подчиняется эта трудовая деятельность? И тогда, исходя из этой сетки, проецирующей на трудовую деятельность стратегический

принцип рациональности, мы сможем увидеть, в чем и как качественные различия труда могут оказывать воздействие на тип экономики. Принять точку зрения трудящегося и впервые сделать так, чтобы трудящийся в экономическом анализе оказался не объектом предложения и спроса в форме рабочей силы, но экономически активным субъектом.

Итак, как они за это берутся, исходя из такой задачи? Такие люди, как Шульц и Беккер, говорят: в сущности, почему люди трудятся? Разумеется, они трудятся, чтобы получить заработную плату. А что такое заработная плата? Заработная плата — это просто доход. С точки зрения трудящегося, заработная плата — это не продажная цена рабочей силы, а доход. И потому американские неолибералы ссылаются на старое, датируемое началом XX в. определение Ирвинга Фишера,²⁶ который говорил: что такое доход? Как можно определить доход? Доход — это просто продукт или прибыль от капитала. Или наоборот, назовем «капиталом» все то, что может быть способом или источником будущих доходов.²⁷ Следовательно, если, исходя из этого, допустить, что заработная плата — это доход, она оказывается доходом от капитала. А что такое капитал, доходом от которого является заработная плата? Это совокупность всех физических и психологических факторов, которыми обладает тот, кто способен получать ту или иную заработную плату, так что со стороны трудящегося труд — это не товар, сведенный абстракцией к рабочей силе и времени, [в течение] которого он используется. Разложенный с точки зрения трудящегося на экономические термины, труд включает капитал, то есть способности, компетенцию; как они говорят, это «машина».²⁸ А с другой стороны, это доход, то есть заработная плата, или, скорее, совокупность заработных плат; как они говорят, поток заработных плат.²⁹

Такое разложение труда на капитал и доход, очевидно, влечет за собой некоторые довольно важные следствия. Во-первых, капитал, определяемый как то, что может обеспечить будущий доход, каковой есть заработная плата, — это капитал, практически неразрывно связанный с тем, кто им обладает. Так что это не такой капитал, как другие. Способность трудиться, компетенция, возможность что-либо делать — все это нельзя отделить от того, кто компетентен и кто может что-либо делать. Иначе говоря, компетенция трудящегося — это поистине машина, но такая машина, которую нельзя отделить от самого трудящегося, что вовсе не означает того, что, как традиционно говорила экономическая, или социологическая, или психологическая критика, капитализм превращает трудящегося в машину, а следовательно отчуждает его. Надо признать, что компетенция, составляющая вместе с трудящимся тело, есть, так сказать, грань трудящегося как машины, но машины, понимаемой в позитивном смысле, поскольку именно машина производит [100] поток доходов. Поток доходов, а не доход, потому что машина, конституируемая компетенцией трудящегося, не продается, так сказать, буквально на рынке труда за определенную заработную плату. В действительности эта машина имеет свою продолжительность жизни, свой срок службы, свое изнашивание, свое старение. Так что нужно признать, что машина, конституируемая компетенцией трудящегося, машина, конституируемая связанными в ансамбль индивидуальными трудящимися, за время своей службы вознаграждается целой серией заработных плат, которая, если взять самый простой случай, начинается с относительно низкой заработной платы, когда машина только начинает использоваться, затем увеличивается, а потом снижается в связи с устареванием самой машины или старением трудящегося в качестве машины. Таким образом, говорят неэкономисты (такие как Шульц),³⁰ этот ансамбль нужно рассматривать как комплекс машина/поток, а это

антипод концепции рабочей силы, которая-де должна продаваться по рыночной цене капиталу, инвестируемому в предприятие. Это концепция не рабочей силы, а капитала-компетенции, в зависимости от различных переменных получающего определенный доход, который есть заработная плата, так что трудящийся оказывается, так сказать, сам себе предприятием. А в пределе мы видим тот элемент, который я уже отмечал в немецком и в определенной степени во французском неолиберализме, — ту идею, что экономический анализ должен обнаружить в качестве базового элемента этих дешифровок не столько индивида, процесс или механизмы, сколько предприятия. Экономика, создаваемая единицами-предприятиями, общество, создаваемое единицами-предприятиями: именно это одновременно и связанный с либерализмом принцип дешифровки, и его планирование для рационализации общества и экономики.

Я бы сказал, что в определенном смысле (так обычно и говорят) неолиберализм в этих условиях оказывается возвращением к homo oeconomicus. Это так, но, как вы заметили, со значительным сдвигом, ведь что такое homo oeconomicus, человек экономический в классической концепции? Так вот, это человек обмена, партнер, один из двух партнеров в процессе обмена. И этот homo oeconomicus как партнер в обмене, само собой, предполагает анализ того, что он такое, разложение его поведения и способов действовать в терминах полезности, которые, разумеется, отсылают к проблематике потребностей, поскольку именно исходя из потребностей можно охарактеризовать или определить, во всяком случае обосновать полезность, которая порождает процесс обмена. Homo oeconomicus как партнер обмена, теория полезности, исходящая из проблематики потребностей: вот что характеризует классическую концепцию homo oeconomicus. В неолиберализме (и он этого не скрывает, он это открыто прокламирует) также обнаруживается теория homo oeconomicus, но здесь homo oeconomicus — не партнер обмена. Homo oeconomicus — это антрепренер, и антрепренер себе самому. Практически это подтверждается тем, что оказывается целью всех предпринимаемых неолибералами исследований, всякий раз заменяющих homo oeconomicus как партнера обмена на homo oeconomicus как самому себе антрепренера, который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов. Я не стал об этом говорить, потому что это слишком долго, но у Гэри Беккера есть очень интересная теория потребления,³¹ в которой он говорит: не стоит думать, будто потребление заключается лишь в том, чтобы участвовать в процессе обмена, покупая и производя денежный обмен, чтобы получить какие-то продукты. Человек потребления — это не один из членов обмена. Человек потребления, поскольку он потребляет, есть производитель. Что он производит? Так вот, он производит свое собственное удовлетворение.³² Нужно признать потребление деятельностью предприятия, посредством которой индивид, исходя из определенного капитала, которым он располагает, производит такую вещь, как свое собственное удовлетворение. А следовательно, классические теория и анализ, в сотый раз повторяющие, что некто, с одной стороны, является потребителем, а с другой — производителем, и что поскольку он производитель, с одной стороны, и потребитель — с другой, он, так сказать, разделен по отношению к самому себе, все эти социологические (потому что они никогда не были экономическими) исследования массового потребления, общества потребления и т. п. ничего в себе не несут и ничего не стоят для анализа потребления производительной деятельности в неолиберальных терминах. Таким образом, это полная трансформация концепции homo oeconomicus, даже если и имеет место возвращение к идее homo oeconomicus как сетке исследования экономической

деятельности.

Таким образом, приходят к идее, что заработная плата — это не что иное, как вознаграждение, как доход, зависящий от определенного капитала, который называется человеческим капиталом, поскольку компетенция-машина, от которой получают доход, неотделима от человеческого индивида, являющегося ее носителем.³³ Из чего же тогда состоит капитал? Повторное введение труда в поле экономического анализа делает возможным что-то вроде ускорения или расширения, переход к экономическому анализу элементов, которые до сих пор от него совершенно ускользали. Другими словами, неолибералы говорят: труд по праву был частью экономического анализа, но классический экономический анализ, каким его создали, был неспособен обратиться к элементу труда. А мы это сделаем. И с того момента, как они этим занялись, и занялись в терминах, о которых я только что говорил, с тех самых пор они вынуждены изучать то, как образуется и накапливается человеческий капитал, что позволяет им применить экономические исследования к совершенно новым областям.

Из чего состоит человеческий капитал? Он состоит, говорят они, из элементов, которые являются врожденными, и из других, которые являются элементами приобретенными.³⁴ Поговорим о врожденных элементах. Одни из них можно назвать наследственными, а другие — врожденными. Эти различия сами по себе, конечно, происходят от самых смутных представлений о биологии. Не думаю, что на сегодняшний день существуют исследования этой проблемы наследственных элементов человеческого капитала, но совершенно ясно, как они могли бы проводиться, а самое главное, совершенно ясно, сколько волнений, забот, проблем и т. п. это могло бы породить в зависимости от того, чего вы хотите — заинтересовать или обеспокоить. Действительно, в исследованиях неолибералов, которые я назвал классическими, например в исследованиях Шульца или Беккера, хорошо показано, что конституция человеческого капитала интересует экономистов и оказывается существенной для них в той мере, в какой этот капитал конституируется благодаря использованию ограниченных ресурсов, тех ограниченных ресурсов, использование которых было бы альтернативным для данной цели. Итак, совершенно очевидно, что нам не приходится платить, чтобы обрести тело, которое у нас есть, или что нам не приходится платить, чтобы обрести имеющееся у нас генетическое оснащение. Это ничего не стоит. Да, это ничего не стоит, в конце концов мы видим... и прекрасно можем представить, что именно так может случиться (именно этим пугает попадавшаяся мне научная фантастика, именно такого рода проблематика начинает окружать нас сегодня).

Действительно, современная генетика прекрасно показывает, что на нас влияет куда большее число обусловленных генетическим оснащением элементов, чем мы могли себе представить до настоящего времени. Она позволяет, в частности, установить для данного индивида, кем бы он ни был, вероятность подвергнуться той или иной болезни в данном возрасте, в данный период его жизни или вообще в какой бы то ни было момент его жизни. Иначе говоря, одна из сегодняшних возможностей применения генетики к человеческим популяциям состоит в том, чтобы различать индивидов по риску и типу риска, которому индивиды подвергаются на протяжении своего существования. Вы скажете: ничего не поделаешь, наши родители сделали нас такими. Да, конечно, но благодаря тому, что мы можем установить, какие индивиды подвержены риску и каков риск того, что союз

индивидов с риском произведет индивида, который будет иметь такие-то и такие-то характеристики в отношении риска, носителем которого он окажется, мы вполне можем представить себе следующее: хорошая генетическая оснащенность, — то есть [та], что позволяет производить индивидов с низким уровнем риска или таких, у которых процент риска не будет составлять опасности ни для них самих, ни для их окружения, ни для общества, — эта хорошая генетическая оснащенность, разумеется, станет чем-то вроде редкости, а поскольку это редкость, она вполне [может стать], и совершенно естественно, что станет частью экономических схем или расчетов, то есть альтернативных выборов. Проще говоря, это значит, что, учитывая мое генетическое оснащение, если я хочу иметь потомство, генетическое оснащение которого будет по крайней мере таким же хорошим, как мое, или по возможности лучше, нужно еще, чтобы я сочетался браком с кем-то, чье генетическое оснащение само по себе хорошо. Как видите, механизм производства индивидов, детей, может обнаружить целую экономическую и социальную проблематику, исходя из проблемы редкости хорошего генетического оснащения. И если вы хотите иметь ребенка, человеческий капитал которого, понимаемый в терминах врожденных элементов и элементов наследственных, будет высок, с вашей стороны требуется вложение, то есть вы должны достаточно трудиться, иметь достаточные доходы, иметь такой социальный статус, который позволит вам взять в супруги или в сопроизводители того, чей капитал сам по себе значителен. То, что я говорю вам, не стоит на грани шутки; просто форма мысли или проблематики в настоящее время пребывает в состоянии эмульсии.³⁵

Я хочу сказать следующее: если проблема генетики вызывает сегодня такое беспокойство, не думаю, что будет полезно или интересно перекодировать это беспокойство по поводу генетики в традиционных терминах расизма. Если мы хотим уловить то, что политически значимо в современном развитии генетики, нужно пытаться уловить ее причастность к современности, с теми реальными проблемами, которые эта последняя ставит. А ввиду того, что общество ставит перед самим собой проблему улучшения своего человеческого капитала в целом, нужно, чтобы проблема контроля, отбора, улучшения человеческого капитала индивидов, само собой, в зависимости от союзов и порождаемого ими потомства, не была поставлена или во всяком случае не требовала постановки. Таким образом, политическая проблема использования генетики ставится в терминах создания, роста, накопления и улучшения человеческого капитала. Расистские следствия генетики — это, само собой, то, чего следует опасаться и что не нужно затушевывать. Но главная политическая цель сегодня, как мне кажется, не в этом.

Давайте оставим эту проблему опасностей инвестирования и создания генетического человеческого капитала. Ведь все проблемы и новые типы исследования, предложенные неолибералами, ставятся скорее со стороны приобретенного, то есть более или менее добровольного конституирования человеческого капитала на протяжении жизни индивида. Что значит формировать человеческий капитал, формировать те виды компетенций-машин, которые будут производить доход, приносить доход? Это значит, ясное дело, заниматься тем, что называется образовательными инвестициями.³⁶ По правде говоря, не нужно было дожидаться неолибералов, чтобы измерить этими образовательными инвестициями определенные результаты, когда речь шла об обучении в узком смысле, о профессиональной подготовке и т. п. Однако неолибералы заметили, что на самом деле то, что нужно назвать образовательными инвестициями, или во всяком случае элементы,

причастные к конституции человеческого капитала, шире, многочисленнее, чем простое школьное или профессиональное обучение.³⁷ Чем же конституируется это инвестирование, формирующее компетенцию-машину? Известно из экспериментов, из наблюдений, что оно конституируется, к примеру, тем временем, которое родители посвящают своим детям помимо простой воспитательной деятельности в собственном смысле. Достоверно известно, что количество часов, проведенных матерью со своим ребенком, пока он лежит в колыбели, окажется очень важным для конституции компетенции-машины, или человеческого капитала, и что ребенок будет куда более адаптивным, если его родители или его мать посвятили ему столько часов, чем если бы они посвятили ему меньше. То есть самое время кормления, самое время нежности, посвящаемое родителями их детям, должно быть проанализировано как инвестирование, способное конституировать человеческий капитал. Потраченное время, получаемая забота, культурный уровень родителей — ведь достоверно известно, что потраченное время, равно как и культурные родители, формируют более высокий человеческий капитал у ребенка, чем если бы у них не было такого культурного уровня, — совокупность культурных стимулов, получаемых ребенком: все это составляет элементы, способные сформировать человеческий капитал. То есть мы приходим, как говорят американцы, к экологическому анализу жизни ребенка, которую надо постараться измерить и в определенной мере исчислить, во всяком случае, постараться измерить в терминах возможностей инвестирования в человеческий капитал. Что из окружения ребенка производит человеческий капитал? Каковы тот или иной тип стимуляции, та или иная форма жизни, те или иные отношения с родителями, взрослыми, другими, которые могут кристаллизоваться в человеческий капитал? Чтобы не зайти слишком далеко, я это оставлю. Таким же образом можно предпринять анализ медицинского обслуживания и вообще всего, что касается здоровья индивидов, что выступает такими же элементами, исходя из которых человеческий капитал должен, во-первых, улучшаться, а во-вторых, сохраняться и использоваться как можно дольше. Таким образом, нужно или во всяком случае можно переосмыслить все проблемы защиты здоровья и общественной гигиены как элементы, способные или неспособные улучшить человеческий капитал.

К тому же, среди конституирующих элементов человеческого капитала надо учесть подвижность, то есть способность индивида перемещаться, и в особенности его миграцию.³⁸ Потому что, с одной стороны, миграция имеет свою цену, ведь перемещающийся индивид, в то время как он перемещается, не получает денег как материальной прибыли, а с другой — существует психологическая стоимость обустройства индивида в новой среде. По крайней мере упускается выгода, поскольку период адаптации индивида, само собой, не позволяет ему получать такой доход, который был у него прежде или который будет у него потом, когда он адаптируется. Какова функция миграции, стоимость которой прекрасно показывают все эти негативные элементы? Достижение более высокого статуса, прибыли и т. п., то есть инвестирование. Миграция — это инвестирование, мигрант — это инвестор. Он сам себе антрепренер, предпринимая некоторые инвестиционные затраты ради достижения определенного улучшения. Мобильность населения и присущая ему способность делать выбор в пользу мобильности, представляющий собой выбор инвестирования ради достижения более высокого дохода, — все это позволяет пересмотреть эти феномены не как чистые и простые эффекты экономических механизмов, простирающиеся за пределы индивидов и, так сказать, связывающие их с громадной машиной, которая им не принадлежит; это позволяет

анализировать их поведение в терминах индивидуального предприятия, предприятия со своими инвестициями и доходами.

Вы скажете: зачем нужны все эти исследования? Их непосредственные политические коннотации вы и так чувствуете, так что незачем говорить о них дальше. Если бы существовал только этот побочный политический продукт, можно было бы единым жестом отбросить этот жанр исследований, или, во всяком случае, практиковать в их отношении чистую и простую работу разоблачения. Но мне кажется, что это было бы одновременно и неверно, и опасно. На самом деле этот жанр исследований позволяет в какой-то мере пересмотреть определенные явления, которые были замечены уже давно, в конце XIX в., но так и не получили заслуживаемого ими статуса. Это была проблема технического прогресса или того, что Шумпетер называл «инновацией».39 Шумпетер — хотя он и не был первым, но вокруг него складывалось все это — заметил, что, вопреки предсказаниям Маркса и тому, что могла сформулировать классическая экономия, существует тенденция к снижению нормы прибыли, которую нужно эффективно и постоянно корректировать. Как известно, корректирование снижения нормы прибыли Роза Люксембург40 интерпретировала как доктрину империализма. Анализ Шумпетера заключается в возможности сказать, что этим не-снижением или корректированием снижения нормы прибыли мы обязаны не только империализму. Мы обязаны им в целом[101], инновации, то есть открытию новых техник, новых источников, новых производственных форм, а также новых рынков или новых ресурсов рабочей силы.41 Таким образом, объяснение этому явлению следует искать в новом, в той инновации, которую Шумпетер считает совершенно неотделимой от функционирования капитализма.

В конечном счете [неолибералы рассматривают][102] эту проблему инновации при тенденции к снижению нормы прибыли не как какую-то этико-психологическую или этико-экономико-психологическую характеристику капитализма, как Шумпетер с его проблематикой, недалеко ушедшей от проблематики Макса Вебера. Напротив, они говорят: нельзя остановиться на проблеме инновации и сослаться для объяснения феномена инновации на предприимчивость капитализма или постоянную стимуляцию конкуренции. Если имеет место инновация, то есть, если находят что-то новое, какие-то новые формы производительности, если занимаются технологическими изобретениями, — все это не что иное, как доход от определенного капитала, человеческого капитала, то есть от совокупности инвестиций, сделанных на уровне самого человека. И, рассматривая проблему инновации в рамках более общей теории человеческого капитала, они пытаются показать через призму истории западной экономики и экономики Японии начиная с 1930-х гг., что значительный рост этих стран за последние сорок или пятьдесят лет совершенно невозможно объяснить, [исходя] лишь из переменных классического анализа, то есть земли, капитала и труда, понимаемого как рабочее время, как количество трудящихся и часов. Лишь тонкий анализ композиции человеческого капитала, того, как этот капитал увеличивается, сегментов, в которых он увеличивается, и элементов, которые вводятся в качестве инвестиций в человеческий капитал — только это может объяснить эффективный рост этих стран.42

Исходя из этого теоретического и исторического анализа, можно выявить принципы политики роста, которая больше не будет индексироваться лишь проблемой материального вложения физического капитала, с одной стороны, и количеством трудящихся [— с другой],

политики роста, которая будет сосредоточена на том, что Западу легче всего изменить — на изменении уровня и формы инвестирования в человеческий капитал. Именно на это в действительности ориентируются экономические, а также социальные, культурные и образовательные политики всех развитых стран. Точно так же, исходя из проблемы человеческого капитала, можно переосмыслить проблемы экономики третьего мира. А негибкость экономики третьего мира сегодня нужно переосмыслить не столько в терминах блокирования экономических механизмов, сколько в терминах недостаточного инвестирования человеческого капитала. К тому же необходимо предпринять целый ряд исторических исследований. Возьмем общеизвестную проблему экономического взлета Запада в XVI–XVII вв.: чем он был вызван? Был ли он вызван накоплением физического капитала? Историки относятся к этой гипотезе все более и более скептически. Был ли он вызван ускоренным накоплением человеческого капитала? Таким образом, следует пересмотреть всю историческую схему, а также все планирование политики экономического развития, которые могли бы ориентироваться и действительно ориентируются на этот новый путь. Разумеется, речь идет не о том, чтобы элиминировать элементы политических коннотаций, о которых я вам только что говорил, но о том, чтобы показать, как эти политические коннотации со своей серьезностью, со своей насыщенностью, или, если хотите, со своим коэффициентом угрозы связаны с самой эффективностью анализа и планирования на уровне процессов, о которых я говорил вам сегодня.[103]

Версия #1

Зверобой создал 27 января 2026 06:51:00

Зверобой обновил 27 января 2026 06:52:21